

Ангел и монстр барокко

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

В должной мере оценить кантату Баха-отца, похоже, помешал "Эрмитаж" (который, надо отдать ему справедливость, непосредственно перед тем блистательно исполнил вместе со своим шефом концерт для гобоя и струнных Баха-сына). Дэниэлс пел мрачно и обреченно, держался сдержанно и достойно – а оркестр аккомпанировал сладко-пресладко, как было принято лет тридцать назад. Во втором отделении певец перешел к своему коронному репертуару – к ариям Генделя. Многолетнее вживание в шкуру генделевских героев, царей и полководцев, немалый опыт воплощения на сцене их нетривиальных судеб и неистовых страстей даром не прошли. Их героизм и ярость, жалобы и заблуждения – все это он принимает всерьез и выкладывается на все сто процентов. Ария "Живи, тиран!" из "Роделинды" вызвала овацию.

Оркестр "Эрмитаж" в целом был на уровне, достойном гостя. Молодые музыканты прочли нотный текст с той же проницательностью и применили к нему такую же долю интеллектуализма, как и солист. Взаимопонимание между ними было отменное, даже слишком – музыканты настолько шли на поводу у певца, что в больших ариях темп неуклонно замедлялся. Видимо, в знак взаимопонимания Дэниэлс по окончании концерта перевоплотился в сущего ангела и вручил цветы каждому музыканту оркестра, а Уткин, со своей стороны, позволил ему немножко поддерживать свой гобой.

Накануне концерта удалось взять у певца небольшое интервью.

Д. Дэниэлс

– Вам нравится название "Концерт для ангела с оркестром"?

– Очень милое. Мои друзья посмеялись бы – во мне больше дьявольских качеств, чем ангельских.

– Откуда у вас такой голос?

– В детстве я пел сопрано и после мутации в четырнадцать лет не потерял способности петь таким же образом. Может быть, оттого, что я так много пел мальчиком, мои связи привыкли к сопрановой тесситуре.

– А как это восприняли ваши

родители, педагоги по вокалу?

– В университете я с 18 до 26 лет учился как тенор. Вернее, пытался, но дома я пел контратенором, потому что это было для меня гораздо естественнее и легче. Родители говорили: "Прекрати, это вредно для твоего тенора". Я думаю, для тенора это и правда было вредно. Но однажды, в 1992 году, я принял решение строить свою карьеру как контратенор. Родители были совершенно разочарованы...

– Вы подражали кому-нибудь из певцов?

– Да, в молодости. Больше всего я любил Леонтина Прайс и Монтсеррат Кабалье.

– Вы были первым контратенором, выступившим в Метрополитен-опера?

– Нет. Но я стал первым в мире контратенором, который дал сольный концерт в Карнеги-холле, в ноябре 2002 года.

– И как вы себя чувствовали в

зале Мет, рассчитанном на совсем другие голоса?

– О, там превосходная акустика, превосходная.

– Дирижеры когда-нибудь ставили перед вами невыполнимые задачи?

– Вокально невыполнимые? Нет.

– А режиссеры?

– Да! Физически очень трудные задачи: петь, лежа на спине, петь, карабкаясь на стену, петь, шагая по вращающемуся поворотному кругу. Ужасно. В мюнхенской постановке "Ринальдо" Дэвид Олден заставлял меня, пока оркестр играл ригурнель перед репризой арии "Ветры, вихри, сложите крылья...", взбежать по лестнице на балкон и, совершенно запылавшись, петь репризу. Режиссеры иногда сумасшедшие, и Дэвид Олден – самый сумасшедший.

– В XVIII веке кастраты время от времени пели в операх и женские партии, а некоторые даже на этом специализировались. Вы никогда не пробовали себя в таком амплуа?

– Нет, и не хочу. Я люблю петь мужские партии.

– И какая из них любимая?

– Люблю петь Юлия Цезаря, но самая любимая партия из всех, что я пел, но которую я больше не пою, – Нерон в "Коронации Поппеи" Монтеверди. Теперь она слишком высока для меня, мой голос стал ниже.

– Это связано с возрастом?

– Может быть. Когда вы становитесь старше, голос устанавливается. Сейчас мне сорок, а начинал я в двадцать с небольшим.

– Больше всего вы поете Генделя...

– Потому что он не только писал такие красивые мелодии, но был абсолютным гением как драматург, который наполнял слова и персонажей жизнью. В его операх всегда есть путешествие, отчетливый путь героя от начала до конца, на протяжении которого образ развивается, растет. Там столько энергии. И в ораториях тоже, потому что оратории – это на самом деле оперы для концертного исполнения.

– Либретто его опер – интересное чтение для вас?

– Да, либретто в операх Генделя удивительно, а Гендель – невероятен, кладя их на музыку, внося в них жизнь, ставя на сцене как драму.

– А что еще вы любите читать?

– Я не большой любитель чтения, к стыду своему. Я люблю спорт, играю в баскетбол, очень много смотрю бейсбол. Вообще люблю физически быть в форме. Кстати, очень помогает в работе с режиссерами.

– Наверное, у вас дома фитнес-студия...

– Нет, хожу в фитнес-клуб.

– В России вас знают главным образом по записям. С вашей точки зрения, ваш голос в записи выигрывает или проигрывает?

– По-моему, я гораздо лучше в живом звучании. Записи немного совершеннее, но в живом выступлении столько энергии, эмоций, и вы непосредственно передаете их аудитории.

Беседу вела
Анна БУЛЫЧЕВА
Фото ИТАР-ТАСС